

ВЕЩАЯ ПТИЦА

Лана Добродар

Лана Добродар

Вещая птица

«Автор»

2026

Добродар Л.

Вещая птица / Л. Добродар — «Автор», 2026

В детстве я с удовольствием слушала бабушкины сказки о леших, домовых и кикиморах, но всегда считала их не более чем вымыслом — просто частью славянской мифологии. Однако спустя годы я неожиданно для себя стала частью того самого волшебного мира, который раньше казался лишь легендой. Теперь мне предстоит узнать, что древние духи и магические существа существуют на самом деле, а старые сказки скрывают гораздо больше правды, чем можно было представить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вещая птица

Глава 1

Я стояла на опушке леса, который помнила с детства. Каждый звук, каждый вздох ветра был до боли знаком. Земля под ногами казалась зыбкой — я проваливалась в воспоминания, в те годы, когда лес был для меня целым миром, полным чудес.

Сколько раз я бывала здесь с бабушкой — не счесть. Я знала, где под старой сосной прячутся самые крупные рыжики, а на прогалине вызревает сладкая земляника. Помнила каждую травинку у тропы — и ту, что заживляет раны, и ту, от которой во рту долго держится горьковатый привкус. Лес был моей второй родиной, книгой, которую я училась читать под бабушкиным руководством.

Мы приезжали к ней почти каждые каникулы. Каждое утро, едва солнце золотило верхушки деревьев, мы отправлялись в лес. Я тащила маленькое лукошко из ивовых прутьев, она — своё, большое, вытертое временем. Собирали травы — зверобой, иван-чай, душицу, сушили на чердаке. Искали ягоды: чернику, бруснику, а ещё кедровые шишки. Я помнила, как смола липла к ладоням, а бабушка терпеливо учила выбивать орешки.

Но главное — она учила меня своим премудростям. Знала, какой корень от лихоманки, какой цветок приворожит удачу, у какого дерева нужно попросить прощения. В долгих походах рассказывала сказки — про лешего, который никогда не заблудится в чаще, про кикимор, что путают пряжу. Я слушала, затаив дыхание, и лес в этих рассказах оживал, становился полным незримых, но добрых существ.

А потом случилось то, что перечеркнуло всё. Погиб отец. Несчастный случай — сухая, страшная фраза, которая расколола нашу жизнь надвое.

После этого мы перестали приезжать в село. Мама и бабушка никогда не ладили. Мать терпела свекровь только ради отца, а когда его не стало — словно обрадовалась, что можно поставить точку. Я помнила их ссоры, мамин резкий голос: «Не смей ей рассказывать свои бредни! У ребёнка должна быть нормальная современная голова, а не деревенский чердак!» Бабушка вздыхала. А я стояла между ними, чувствуя себя предательницей.

Мама оборвала контакты мгновенно. Сначала я тайком плакала, скучала по бабушкиным пирогам и запаху её рук — мятой и хлебом. А потом время стёрло остроту. Школа, работа, взрослая жизнь... И вот известие, что не стало и бабушки.

Теперь я стояла на опушке, и у меня подкашивались ноги: я так и не успела сказать ей главного. Что лес, который она мне подарила, остался со мной. И что её сказки оказались единственной правдой, в которую мне хочется верить.

Недавно на меня напала необъяснимая тоска. Мне всё надоело. Нет, не так — опостылело — бабушкино слово, тягучее, от которого будто рукой по лицу провело: «Очнись». Я вспомнила — по-настоящему, всем нутром — как хорошо было в детстве. Как я верила в чудеса, которые живут не в книжках, а прямо здесь: в трещинке старого пня, где прячется домовушка, в утреннем тумане над рекой, где полевики водят хороводы. И меня потянуло туда с такой силой, что заныло под ложечкой.

В первые же выходные я рванула на вокзал, села на электричку до того села, где когда-то стоял бабушкин дом и помчалась навстречу детским воспоминаниям. Сердце колотилось так, будто я совершала не просто поездку, а побег.

И вот я снова здесь. Слезы наворачивались, но на душе почему-то легко — словно я вернулась домой после долгого пути.

Я прикрыла глаза и вдохнула. Пряной, густой лесной воздух наполнил лёгкие. В нём чувствовалось всё: хвоя, прелый лист, сырая земля и грибной дух. Я постояла несколько мгно-

вений, позволяя этому запаху вытеснить из меня городскую пыль и усталость, а потом решительно шагнула внутрь.

Остановившись у первого дерева, я поздоровалась с лесом. Приложила ладонь к коре, прошептала: «Здравствуй, дедушка-лес. Не с пустыми руками к тебе». Достала из рюкзака горсть зёрен, кедровые орешки, хлеб и выложила на плоский пенёк.

Бабушка всегда говорила: у каждого места есть свой дух. Леший — хозяин леса. Он строго наказывает тех, кто нарушает негласные законы. Но если относиться с уважением — и он поможет, укажет дорогу.

Выполнив нехитрый ритуал, я бодро зашагала по тропе. В детстве бабушка, идя по лесу, частенько напевала что-то старинное — то ли обрядовые песенки, то ли просто так, для настроения. Голос у неё был негромкий, но какой-то особенный, будто сам лес подхватывал напев и разносил его между стволов.

Я ни одного такого мотива не запомнила, но мне отчаянно захотелось сделать всё как учила она. В голову полезла совсем иная мелодия — современная песня: «Братец леший» — фолк-рок. И я, бодро отбивая шаг по мягкой тропе начала напевать её вполголоса.

Надеюсь, местный хозяин с пониманием отнесётся к современному творчеству и оценит мои старания. Лес молчал, но мне показалось что ветер чуть тише прошуршал в кронах, а где-то в глубине коротко и одобрительно аукнула кукушка.

Запахло хвоей ветер воет

Тропа куда-то в тень ведёт

А в чаще рогожей двое

Да кто-то ходит и зовёт

То ли берёзка клонит маку

То ль нечисть водит хоровод

Мне бы в избу да на лавку

Да вот беда весь лес идёт!

Ой Леший царь лесной

Ты слышишь вой мой голосной?

Пусти домой не вей петлёй

Не заводи в овраг глухой!

Э-эх Леший выйди в круг!

Скрипят корни дрожит луг!

Вейся-вейся хоровод

Лес нас в пляску зовёт!

(«Братец леший», Скетчбук Элазара)

Тропа повела меня сразу. Под ногами мягкий ковёр из хвои и мха. Вокруг сосны-великанши воздух густой прозрачный. Я дышала ртом как в детстве и никак не могла надышаться.

Останавливаюсь возле старого пня, поросшего лишайником. Точно такой был у бабушки тогда он казался мне тронным креслом лешего, а теперь просто трухлявым пеньком, но я всё равно кивала ему.

Иду не спеша вот муравейник живой шевелящийся бабушка говорила муравьи лесные сторожи обхожу по широкой дуге и мне становится тепло от того, что я помню.

Попадается ручей журчит под корнями старой ели я присаживаюсь опускаю ладонь ледяная, но приятно умываю лицо и вместе с прохладой уходит последний комок из горла.

Теперь я здесь настоящая и лес будто узнаёт меня расступается подсвечивает солнцем знакомые уголки словно бабушка незримо идёт рядом.

Уходя из леса, я поблагодарила его попрощалась и пообещала вернуться

Посещать лес по выходным теперь стало моим ритуалом. Ранним утром, когда город ещё не очнулся, я садилась в электричку и мчалась туда, где меня ждала моя сказка.

С каждым разом я заходила всё дальше. Одни тропы уводили вглубь, к старому осиннику, где даже в солнечный день царил полумрак; другие вились вдоль ручья; третьи терялись в молодом ельнике. Но я шла, доверяя чутью и памяти, которую когда-то посеяла во мне бабушка.

Я вспоминала её науку. Вот тысячелистник — останавливает кровь. А эти резные листья — что-то из сказок про сны. Я останавливалась, трогала пальцами, и память вытаскивала бабушкин голос, её приметы и поверья.

Я собирала лесные дары — не жадно, не торопливо, как учили. Горсть черники, от которой синеют пальцы. Несколько молодых подберёзовиков. Веточку зверобоя, чтобы заваривать потом в городе. Пучок душицы, чей аромат держится на одежде до самой электрички.

Мне хотелось унести с собой частичку этого мира — не просто травы, а это небо в просветах сосновых крон, эту тишину, эту лёгкость. Но к концу дороги всё выскальзывало. А потому я уже знала: через неделю снова сяду в электричку.

И вот я снова здесь. Стою на опушке и не могу налюбоваться красотой. Сентябрь щедро одарил лес яркими красками — не жалея, не отмеряя, а выплескивая полными пригоршнями.

Берёзы — в золотых платьях, клёны — в багряных шапках. Осинки щеголяют в оранжевых сарафанах, рябины рассыпались алыми бусами. Даже сосны чуть приосанились.

Глядя на это весёлое разноцветье, на меня нахлынуло озорство. Лес словно подначивал: «Давай, повеселимся!» И я решилась на дерзость.

Пока тряслась в вагоне, я бездумно листала Тик-Ток. В последнем ролике играла заразная, дурашливая песенка с незамысловатым мотивом. Она крутилась в голове всю дорогу. И вот теперь, стоя посреди этой сказки, я затянула во весь голос:

Я хочу нормального мужика,

Хочу, хочу, чтоб полюбил меня на века...

Я улыбалась, задыхаясь от смеха и собственной смелости. Осень, лес и я — мы отлично проводили время.

Потом я просто брела куда глаза глядят, шёпотом здоровалась с каждой сосной, кивала осинкам. И лес будто отвечал — ветер чуть слышно шелестел, ветки покачивались.

Ноги гудели от долгой ходьбы. Я присела на траву, скинула рюкзак, достала воду. Утолив жажду, подняла голову и осмотрелась.

Сердце пропустило удар.

Я не узнавала этой местности. Другие сосны — старше, выше, с причудливо искривлёнными стволами. Свет пробивался не золотыми столпами, а тревожным зеленоватым сумраком. Воздух стал гуще, тяжелее, пахло сырой землёй и чем-то чужим.

По спине пробежал холодок. Бабушка всегда говорила: «Лес любит тех, кто его уважает, но не прощает беспечности».

Я попыталась рассуждать рационально. Лес — не лабиринт, зашла по тропе — выйду, если повернуть назад. Я зашагала обратно, то и дело обращаясь к хозяину: «Дедушка-лес, укажи дорогу». Мне казалось, лес отвечает — впереди возникал просвет, и я ускорила шаг.

Но просветы оказывались обманкой. Тропа исчезла. Я останавливалась, прислушивалась, в надежде услышать — шум электрички, лай собак, гул трассы — но лес молчал, глухо, словно закупорил все выходы.

С каждым шагом я заходила всё глубже. Деревья становились корявей, их ветви сплетались в плотные шатры. Воздух сделался влажным, как в погребке.

Я остановилась посреди небольшой поляны, перевела дыхание и честно, вслух сказала самой себе то, что уже знала: я заблудилась. Достала телефон — ну конечно — связи нет. Сердце забило быстрее, где-то в груди зашевелился холодный комок страха, но я заставила себя дышать ровно. Бабушка говорила: паника в лесу — первый враг. Я ещё раз огляделась по сторонам, надеясь увидеть хоть что-то знакомое, но вокруг был только чужой, настороженный лес, который словно проверял меня на прочность.

Глубоко вдохнув и медленно выпустив воздух, я заставила себя успокоиться. Я поняла, что нужно продолжать движение, и сделала новый, решительный шаг вперёд, стараясь ступать твёрдо и не оглядываться.

В этот момент совсем рядом, чуть в стороне, хрустнула ветка. А следом раздалось устрашающее, утробное рычание — низкое, вибрирующее, от которого, казалось, задрожала земля под ногами.

Я замерла как вкопанная. Ужас сковал горло, перехватил дыхание, сжал грудную клетку. Мысли заметались в голове, сменяя одна другую, и тут же принялись рисовать картинки всевозможных вариантов моей скорой гибели, одна страшнее другой.

Рычание приближалось. Я слышала, как тяжело ступает по земле зверь, как хрустят под его лапами сухие ветки.

Я зажмурилась со всех сил не желая встречаться лицом к лицу со своей участью, я просто стояла и ждала. Секунды тянулись бесконечно. Я молилась про себя всем богам, которых когда-либо знала, и бабушке, которая теперь, наверное, смотрела на меня откуда-то сверху и, должно быть, качала головой: «Эх, доченька, ну куда же ты пошла одна, без спросу...»

Глава 2

Я стояла, не в силах пошевелиться, когда сквозь гул в ушах и грохот собственного пульса пробился твёрдый мужской голос — низкий, спокойный, с властными нотками, не терпящими возражений.

— Велеслав, не нужно.

Я замерла. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, но в голову медленно пробивалась мысль: я услышала это на самом деле, или уже мерещится от страха?

— Не нужно пугать мою гостью, — повторил голос.

Я с опаской приоткрыла один глаз. А потом распахнула оба, потому что то, что я увидела, никак не укладывалось в голове.

Прямо передо мной, в паре метров, стоял ошетилившийся волчара — огромный, размером с хорошего телёнка. Серый, с густой, почти чёрной холкой, он смотрел на меня янтарными горящими глазами, и огонь, который горел в них, был недобрый. Шерсть на загривке стояла дыбом, клыки обнажены, и всё его тело излучало первобытную, древнюю силу.

Но не это меня поразило.

Чуть поодаль, из-за ствола вековой сосны, вышел человек. Дядька Михей. Я узнала его мгновенно — он почти не изменился с тех пор, как я видела его в последний раз, ещё в детстве. Тогда он был местным егерем, мужиком прилично за пятьдесят — кряжистым, с окладистой бородой и цепкими глазами, которые, казалось, видели всё, что творится в лесу на сто вёрст вокруг.

Но сейчас... Сейчас я смотрела на него и не верила своим глазам. Он выглядел... неправильно. Для своих лет — а сколько ему теперь? — он должен был быть седым стариком. Но передо мной стоял мужчина в самом расцвете сил: широкоплечий, с ручищами, которыми можно сосну выкорчевать, с густой бородой, в которой уже проглядывала седина, но лицо... лицо было почти молодым, с высоким лбом и глубоко посаженными глазами цвета болотной ольхи.

И одет он был странно. Не в современную куртку егеря, не в камуфляж. На нём была грубая льняная рубаха, подпоясанная витым шнуром, и широкие штаны, заправленные в мягкие сапоги. Всё это выглядело так, словно он сошёл со страниц древней былины, а не вышел из леса в двадцать первом веке.

Но самое поразительное было в другом. Когда он шёл ко мне, я заметила, что трава под его ногами не приминается, а ветки, которые касались его плеч, не качались. Он двигался в лесу так, как будто был его частью — не гостем, не хозяином даже, а чем-то гораздо более глубоким, неотъемлемым, как течение реки или смена времён года.

Волчара, которого он назвал Велеславом, повернул мохнатую башку в его сторону и коротко рыкнул — так, словно выражал недовольство. Шерсть на загривке ещё стояла дыбом, но уже не так угрожающе. Зверь явно был не согласен: я здесь чужая, непрошенная.

— Не чужачка она, — сказал дядька Михей, и в голосе его прозвучало что-то такое, отчего у меня мурашки побежали по коже. — Из наших она. Своя.

Он подошёл ближе и протянул руку — не ко мне, а к волчаре, опустил широкую ладонь на звериную холку. И огромный волк, который только что мог перекусить меня пополам одним движением, вдруг прижал уши, вздохнул, как обиженная собака, и отступил на шаг. Рычание стихло, сменившись недовольным ворчанием, но в глазах у зверя я всё ещё читала: «Я своё мнение оставил при себе, ты хозяин, не прав».

Дядька Михей посмотрел на меня — и в этих омутах зелёных мелькнуло что-то древнее, мудрое, нечеловеческое. И тут меня осенило. Я вспомнила бабушкины сказки, которые когда-то слушала, затаив дыхание. Как она рассказывала про лесного хозяина — не страшного, не

злого, но такого, что лучше не обманывать и не гневить. Про того, кто может обернуться и стариком, и зверем, и деревом, кто знает каждую травинку и помнит каждого, кто ступал в его владения.

— Дедушка... — выдохнула я, не веря себе. — Леший?

Он усмехнулся — уголком рта, едва заметно, и в этой усмешке было что-то от того самого дядьки Миши, которого я помнила с детства, и одновременно что-то от вековых сосен, от глубинных ключей, от самой земли, на которой я стояла.

— Зови уж Михеем, — сказал он просто. — Для своих я Михей. А для чужих — ничей.

А я стояла и смотрела на человека, который был чем-то гораздо большим, и чувствовала, как мир вокруг меняется, становится глубже, древнее, настоящее. Таким он, наверное, и был всегда — просто я раньше не умела смотреть.

— Напугалась? — спросил Михей, и в его голосе прозвучал не столько вопрос, сколько мягкое, почти отеческое утверждение.

Он смотрел на меня с доброй, чуть виноватой улыбкой, и в этой улыбке вдруг проступило что-то совсем человеческое, знакомое, отчего сердце забилося чуть спокойнее.

А я всё ещё стояла словно пришибленная — ноги не слушались, руки мелко дрожали, и в голове продолжали метаться обрывки мыслей, никак не желавших складываться в стройную картину.

— Ты уж прости, дочка, что я тебя вот так, без спросу, в гости пригласил, — продолжал он, и голос его звучал ровно, убаюкивающе, как журчание лесного ручья. — Не думал, что так напугаешься. Да и мои помощники — ауки — больно расторопные оказались. Это они тебя ко мне привели.

Он махнул рукой в сторону пышного куста орешника, что рос у самого края поляны. Я проследила за его жестом и увидела, как из-под широких листьев высунулась любопытная мордочка. Маленькое, пушистое существо — размером с детскую варежку — сидело на задних лапках и тарасило на меня чёрными глазами-бусинками. Шёрстка у него была зелёная, с лёгким желтоватым отливом, и оно так сливалось с листвой, что я, наверное, никогда бы его не заметила, если бы оно само не захотело показаться. По бокам торчали забавные острые ушки — каждое чуть больше самой головы, — они всё время шевелились, ловя малейшие звуки.

— Пип! — издал он звонкий, тоненький звук, словно поздоровался, и тут же снова скрылся в густой растительности. Только ветки колыхнулись, да где-то в кустах послышалась приглушённая возня — будто несколько таких же пушистых комочков перешёптывались между собой, обсуждая гостью.

Михей хмыкнул, покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти дедовское.

— Ну всё, Настасья, выдыхай, — сказал он просто. — Теперь всё хорошо.

Он сделал шаг ко мне, и я вдруг почувствовала, как напряжение, сковавшее меня с той самой минуты, когда я поняла, что заблудилась, начинает понемногу отпускать. Может быть, потому что его голос звучал так спокойно и уверенно. А может, потому что он назвал меня Настасьей — как когда-то называла бабушка, полным, ласковым именем, которое мама считала слишком деревенским.

Я сделала выдох — глубокий, долгий, такой, что, казалось, выпустила из лёгких весь накопившийся страх. Плечи опустились, руки перестали дрожать. Я всё ещё ничего не понимала, но где-то глубоко внутри, там, где живёт детская память, зашевелилось тёплое, уютное чувство: я в безопасности. Здесь, в этом странном лесу, посреди этих древних деревьев, рядом с человеком, который оказался кем-то гораздо большим, чем просто егеря, — я была в безопасности.

— А теперь, — Михей кивнул куда-то в сторону, — пойдём, гостьей будешь. Чайку попьёшь с травами, успокоишься. А там и поговорим.

Он протянул мне широкую ладонь с крепкими пальцами, испещрённую морщинами, как кора старого дуба. И я с готовностью вложила в неё свою. Ладонь оказалась тёплой и сухой, а прикосновение — неожиданно мягким.

— Пойдём, Настасья, — повторил он, и я послушно шагнула за ним, туда, где в полумраке леса мерцал огонёк, пахло дымом и чем-то ещё — сладковатым, смолистым, давно забытым.

Чем-то, что пахло из самого детства.

Мы шли недолго, но лес вокруг постепенно менялся. Тропа, которую прежде я не замечала, сделалась шире, утоптаннее, словно здесь ходили многие и часто. Деревья расступались, пропуская нас, и вскоре я поняла, что мы выходим к небольшому селению, которое находилось прямо посреди леса.

Нас встретили одноэтажные, но добротные деревянные дома. Брёвна в стенах лежали ладно, без единой щёлочки, крытые тёсом крыши не потемнели от времени, а лоснились серебристым, словно их каждый день гладили. Ставни на окнах резные, с диковинными птицами и зверями, что, казалось, вот-вот встрепенутся и улетят. А наличники такие искусные, что я засмотрелась: каждый завиток, каждая черта что-то значили, складывались в обереги, которые я помнила ещё с бабушкиных сказок.

Вот на полянке пасётся чья-то кормилица — молочная коза с двумя козлятами. Коза — крупная, белая, с важным, неторопливым нравом — подняла голову и посмотрела на меня умными, чуть прищуренными глазами, словно оценивала, с добром я пришла или нет. Козлята сразу сорвались с места, запрыгали задрав хвостики, и понеслись по лужайке, сбивая копытцами росу. Чуть в стороне, у невысокого плетня, важно вышагивала стая гусей — белых, крупных, с вытянутыми шеями. Передовой гусак заметил меня первым, остановился, наклонил голову набок и выдал такое возмущённое «га-га-га», что я невольно попятилась. Остальные подхватили, поднялся гвалт на всю округу, но Михей только рукой махнул, и гуси, мигом успокоившись, чинно потрусили дальше по своим делам.

Улицы здесь не мощёные, но утоптаные до твёрдости, а по краям их окаймляет изумрудная трава, в которой прячутся лесные цветы — иван-чай, ромашка, какие-то невиданные колокольчики с синими, почти чёрными лепестками. Воздух в селении совсем особенный: пахнет хлебом и парным молоком, дымком из печей и чем-то сладковатым, будто где-то варили варенье. Но сквозь эти уютные запахи всё равно пробивается лесное — хвоя, грибы, влажная земля. Здесь, в этом селении, дом и чаща не спорят друг с другом, а мирно уживаются, дополняя один другую.

Мы идём с Михеем по улочке, и я чувствую на себе любопытные взгляды. Из-за заборчиков, из распахнутых калиток выглядывают люди — и те, кого я сначала принимаю за людей, а потом замечаю что-то неуловимо иное. Вот на крыльце сидит древняя старуха в тёплом платке, хотя день стоит по-осеннему тёплый. Глаза у неё прищурены, но в них мерцают янтарные огоньки — такие же, как у волка Велеслава. Она смотрит на меня пристально, долго, а потом кивает, словно признаёт. Я кланяюсь в ответ, сама не зная зачем.

Из-под крыльца соседнего дома выползает рыжий кот — размером с небольшого пса, лениво зевает, показав внушительные клыки, и, бросив на меня равнодушный взгляд, убегает обратно в тень. А чуть дальше, на лавочке у калитки, сидят две девчонки — в простых сарафанах, с русыми косами. Обычные с виду, только у одной глаза чуть-чуть косят, да в улыбке слишком много зубов. Она машет мне рукой, и я неловко машу в ответ.

— Не пугайся, — тихо говорит Михей, заметив, что я замедлила шаг. — Здесь все свои. Лесные жители — они и есть лесные. Кто в обличье человеческом ходит, кто в зверином, а кто и вовсе в никаком. Но все друг друга знают, помогают. И тебя, коли пришла с добром, примут.

Я киваю, стараясь дышать ровнее. Дома здесь как дома, коза как коза, гуси как гуси — всё по-человечески ладно, привычно. Но под этой простотой чувствуется что-то древнее, глубинное, что угадывается в каждом взгляде, брошенном украдкой, в каждом вздохе этого места.

Селение живёт своей жизнью — спокойной, размеренной, неспешной, — и в этой жизни есть своя мудрость, которую я, городская, вряд ли смогу постичь с одного раза.

— А вот и мой дом, — Михей указывает на добротную избу в конце улицы, чуть на отшибе, у самого леса.

Дом у него крепкий, ладный: крыльцо резное, наличники с выдумкой, а над воротами прибита подкова — не железная, а какая-то светлая, лёгкая, словно из лунного серебра. Из трубы вьётся тонкая струйка дыма, пахнет травами и хлебом. На крыльце, свернувшись калачиком, дремлет самый обычный деревенский кот, его густая серая шерсть почти сливается с тёмсом стен. Услышав наши шаги, он приоткрывает один глаз, лениво зевает и снова опускает морду на лапы.

— Проходи, Настасья, — Михей открывает передо мной дверь, и из сеней тянет теплом и сушёными травами. — Чай пить будем, разговоры разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.